

Положительно или отрицательно природные ресурсы влияют на развитие страны?

21 ноября 2011 г.

Авторы: [Elena Paltseva](#) и [Jesper Roine](#), SITE

Несомненно, в экономике многих стран природные ресурсы играют важную роль. Однако вопрос о том, каков их вклад в развитие этих стран – положителен или отрицателен – остается спорным и сложным. Очевидно, что такие страны, как Австралия, Ботсвана и Норвегия уже давно получают громадную пользу от эксплуатации своих природных ресурсов. Другие страны, такие как Азербайджан, Казахстан и Россия, выиграли в плане роста экономики, но, возможно, проиграли в институциональном развитии. В третьей группе стран, таких как Сьерра-Леоне и Ангола, природные ресурсы остаются причиной жестких конфликтов с катастрофическими последствиями для общества. Для многих развивающихся стран, сильно зависящих от своих природных ресурсов, актуальна задача углубленного понимания источников и средств решения потенциальных проблем, связанных с природными ресурсами. В статье анализируются как основные проблемы, так и главные политические трудности превращения природной ренты из тормоза в движущий фактор дальнейшего развития.

Полезно ли стране быть богатой природными ресурсами? На первый взгляд, ответ очевиден: Да. Что может быть плохого в том, чтобы иметь что-то сверх ресурсов труда и капитала? Что может быть плохого в том, чтобы иметь что-то ценное «задаром»? Тем не менее, ответы на эти вопросы далеко не так просты, и на ум быстро приходят контраргументы: «Наличие природных ресурсов лишает стимулов к развитию других сфер экономики, являющихся потенциально более важными для долгосрочного роста»; «Доходы от эксплуатации природных ресурсов могут стать источником коррупции или вооруженных конфликтов» и т.д.

Наблюдая самые крайние случаи, можно действительно поставить под сомнение «преимущества» обладания природными ресурсами. Возьмем, например, Демократическую Республику Конго. Она является крупнейшим в мире производителем кобальта (в 2009 г. на её долю пришлось [49%](#) его мировой добычи) и промышленных алмазов ([30%](#)). Кроме того, ДРК – крупный производитель ювелирных алмазов ([6%](#)); здесь находятся [2/3](#) мировых запасов колтана¹ и значительные месторождения меди и олова. При этом ДРК имеет самые низкие темпы роста экономики в мире и занимает восьмое место от конца по объему ВВП на душу населения за последние 40 лет. [\[1\]](#) Очень похожая картина в Сьерра-Леоне и Либерии. Эти страны обладают огромными природными богатствами, но у них же – одни из худших показателей экономического роста и объема ВВП на душу населения. Хотя опыт Венесуэлы и Боливии не столь печален, их ресурсное богатство в виде нефти и газа, соответственно, породило такие серьезные проблемы как низкие темпы развития и рост коррупции и неравенства. Если же к этому добавить, что ряд стран с самыми быстрорастущими за последние десятилетия экономиками в мире – Гонконг, Южная Корея и Сингапур – вообще не имеют природных богатств, то создается впечатление, что природные ресурсы даже вредны для развития.

Это не единичные примеры. На данный момент доказана жесткая отрицательная связь между долей сырьевого экспорта в ВВП страны и её последующим экономическим ростом. Эта связь, на которую впервые указали [Sachs & Warner \(1995\)](#) в своей основополагающей работе, стала основой понятия *ресурсное проклятие* (т.е. мнения о том, что зависимость от природных ресурсов подрывает долгосрочное экономическое развитие). [\[2\]](#)

В то же время есть немало стран, демонстрирующих противоположные примеры. Занимая второе место по экспорту природного газа и пятое место по экспорту нефти, Норвегия - одна из самых богатых экономик мира. Ботсвана производит [29%](#) ювелирных алмазов мира и является в последние 40 лет одной из самых динамично развивающихся стран. Австралия, Чили, Малайзия имеют хорошие экономические показатели, и не только *не вопреки*, а – скорее – *благодаря* своим природным богатствам.

С учетом этих примеров уместным становится не вопрос: «Хороши или плохи природные ресурсы для развития?», а вопрос: «В *каких условиях* эти ресурсы хороши для развития, а в каких плохи?». В недавней публикации [Rick van der Ploeg \(2011\)](#) отмечает: «*Интересно, почему одни богатые ресурсами экономики [...] преуспевают, а другие [...] нет, хотя и имеют огромные природные богатства*». Прежде чем

¹ Колтан – сокращенное название двух танталовых руд – колумбита и танталита (прим. переводчика)

отвечать на этот вопрос, полезно рассмотреть кое-что из теоретических объяснений и выяснить, какими фактами они подкреплены. Конечно, наш обзор далеко не полон, но есть надежда, что он отражает то, как мы пришли к современному состоянию знаний. [\[3\]](#)

Теории и доказательства

Самое известное экономическое объяснение *ресурсного проклятия* состоит в том, что внезапное увеличение ресурсной ренты создает дополнительное богатство, которое приводит к росту цен на *неторгуемые* товары, такие как услуги. Это, в свою очередь, приводит к повышению как реального обменного курса, так и заработной платы в секторе услуг. Из-за перемещения капитала и труда в неторгуемый и сырьевой сектора происходит сокращение производственного сектора (т. н. «деиндустриализация»). Этот процесс обычно называют «голландской болезнью» – по аналогии с ростом реального обменного курса гульдена и снижением экспорта продукции обрабатывающей промышленности, наблюдавшихся в Нидерландах после открытия месторождений природного газа в Северном море в конце 1950-х гг. Конечно, сокращение производственного сектора само по себе не всегда вредно, но если от промышленности сильно зависит развитие человеческого капитала, повышение качества продукции и разработка новых изделий, то сжатие этого сектора приводит к замедлению долгосрочного роста. [\[4\]](#) В центре внимания других теорий оказались проблемы, связанные с ростом волатильности, который сопровождается сильную зависимость от природных ресурсов. В частности, было высказано предположение, что с ростом волатильности уменьшаются необратимые и долгосрочные инвестиции (например, в сферу образования). Поскольку накопление человеческого капитала важно для роста в долгосрочной перспективе, то возникает еще одна потенциальная проблема ресурсного изобилия.

Эмпирическое подтверждение «голландской болезни» и связанных с ней процессов на эмпирическом материале носит неоднозначный характер. Некоторые авторы ([Harding and Venables, 2010](#)) полагают, что бум в сфере ресурсов ведет к сокращению экспорта продукции обрабатывающей промышленности и расширению сферы услуг; другие (например, [Sala-i-Martin and Subramanian, 2003](#)) так не думают. Однако даже исследователи, которые находят свидетельства «голландской болезни», обычно не анализируют её влияние на темпы роста. В принципе, «голландская болезнь» может существовать и без последствий для темпов роста. Еще одной проблемой является то, что теория «голландской болезни» предполагает, будто наличие природных ресурсов в равной мере вредит развитию всех стран. Это значит, что теория не объясняет большую разнородность наблюдаемых результатов, т.е. не может объяснить, почему при одинаковом уровне ресурсной зависимости одни страны преуспевают, а другие – нет. То же касается утверждения, будто природные ресурсы лишают их стимулов к развитию образования. Хотя ряд исследователей ([Gylfason 2001](#), [Stijns \(2006\)](#), [Suslova and Volchkova \(2007\)](#)) приводят факты сокращения инвестиций в человеческий капитал в богатых ресурсами странах, эта теория не объясняет различий между странами, (в равной мере) богатыми природными ресурсами.

В результате, больше внимания уделяется политико-экономическим объяснениям *ресурсного проклятия*. Основная идея недавних работ состоит в том, что эффект от использования ресурсов на развитие во многом зависит от институциональной среды. Если институты обеспечивают защиту имущественных прав и благоприятны для ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности, то природные ресурсы, скорее всего, будут содействовать росту экономики, являясь источником дохода, новых инвестиционных возможностей и потенциальных положительных побочных эффектов для остальных сфер экономики. Однако если права собственности не обеспечены, а институты «ориентированы на захватчиков» («grabber-friendly»), то доходы от природных богатств порождают тягу к ресурсной ренте, коррупцию и конфликты, которые негативно влияют на рост и развитие страны. Таким образом, в зависимости от институциональной среды природные ресурсы порождают разные последствия.

Развитием теоретической модели для объяснения этого эффекта, а также поиском эмпирического подтверждения высказанных идей занялись [Mehlum, Moene and Torvik \(2006\)](#). В богатых ресурсами странах со слабыми институтами возникают стимулы к «захвату ренты», тогда как в странах, где институты этому препятствуют, ресурсы влияют на развитие позитивно. Аналогичные объяснения предлагают [Boschini, Pettersson and Roine \(2007\)](#), подчеркивая при этом важность того, какой тип ресурсов доминирует. Они показали, что если институты страны недостаточно развиты, то «ресурсы, которые легче присвоить» (более ценные, географически более сконцентрированные, легче транспортируемые ресурсы – такие, как золото или бриллианты) являются и более «опасными» для роста экономики. Для стран с развитыми институтами эффект обратный – золото и бриллианты приносят пользы больше, чем «трудно-присваиваемые ресурсы». Таким образом, в преодолении *ресурсного проклятия* роль институтов важнее там, где речь идет о драгоценных металлах и алмазах, нежели там, где активно добывают прочие полезные ископаемые.

Даже если эти работы углубляют наше понимание вопроса и допускают возможность того, что в зависимости от институциональной среды одни и те же природные богатства приводят к разным

результатам, то остаются две важные проблемы. Во-первых, критерии «качества институтов» – это грубые усреднения институциональных *результатов* (а не *норм*). [5] Даже если [Boschini et al. \(2007\)](#) и Boschini, Pettersson and Roine (2011) проверили надежность выявленной взаимозависимости, используя альтернативные инструментальные оценки эффективности институтов (включая инструментальную переменную *Polity*, измеряющую степень демократизации), то важно еще понять, какие именно институциональные аспекты значимы. Попытку изучить один из аспектов предприняли [Andersen and Aslaksen \(2008\)](#), которые показали, что *ресурсное проклятие* характерно для президентских демократий, в отличие от демократий парламентских. Авторы утверждают, что это – результат большей подотчетности и репрезентативности парламентских режимов.

Во-вторых, даже если заключить, что влияние природных ресурсов зависит от институциональной среды, то вполне возможно, что природные ресурсы влияют и на выбранную политику и институциональные меры. Так, доступ к ресурсной ренте может быть дополнительным стимулом для того, чтобы нынешний правитель держался за власть и блокировал угрожающие его режиму институциональные реформы, такие как демократизация. В известной работе под броским названием «Мешает ли нефть демократии?» [Ross \(2001\)](#) привлекает единую базу данных по разным странам, чтобы обнаружить отрицательную корреляцию между ресурсной зависимостью и демократией.

Однако следует отличать такую корреляцию от причинно-следственной связи. Есть, как минимум, две проблемы, способные повлиять на интерпретацию: во-первых, может остаться не замеченным влияние одной из переменных. Так, на ресурсную зависимость и институциональную среду может влиять характерная для страны невыявленная переменная, например, исторически сложившиеся институты (которые, в свою очередь, могут быть результатом скрытого воздействия фактора природных ресурсов в предыдущие периоды), культура и т.д. По той же причине могут вводить в заблуждение межстрановые сравнения. Одним из способов, позволяющих устранить воздействие невыявленных особенностей конкретной страны, служит применение панельной регрессии с фиксированным эффектом. Такой подход дает смешанные эмпирические результаты: в анализе [Haber and Menaldo \(2011\)](#) влияние природных ресурсов на демократию исчезает, однако [Aslaksen \(2010\)](#) и [Andersen and Ross \(2011\)](#) находят подтверждение *ресурсного проклятия* в его политическом измерении.

Во-вторых, масштабы природных богатств могут эндогенно зависеть от сложившихся институтов, в частности, от уровня демократии. Например, уровень добычи нефти и даже направляемые на поиски нефти усилия могут определяться решениями власти имущих (и налагаемыми на них ограничениями). Поэтому необходимо найти такие инструментальные переменные, которые влияют на уровень демократии только в контексте ресурсного фактора. [6] [Tsui \(2011\)](#) исследует причинно-следственную связь между демократией и ресурсами, изучая эффект(ы) открытия нефти на целой выборке стран. Его поисковая стратегия основана на анализе экзогенных ограничений величины нефтяных ресурсов (оценка первоначальных запасов нефти) как фактора, влияющего на общие объемы нефти, разведанные на сегодняшний день. Идея в том, что если объем найденной нефти вполне может зависеть от институциональной среды, то размер всех нефтяных богатств страны определяется только природой. Результаты, полученные [Tsui \(2011\)](#), также подтверждают тезис о политическом измерении *ресурсного проклятия*.

Есть также многочисленные исследования о влиянии ресурсов на конкретные институциональные аспекты и политику. Так, [Beck and Laeven \(2006\)](#) обнаружили, что изобилие природных ресурсов задержало реформы в Восточной Европе и СНГ, [Desai, Olofsgård and Yousef \(2009\)](#) указывают на доходы от природных ресурсов как на главный фактор, позволяющий авторитарным режимам оставаться у власти путем «подкупа» населения, [Egorov et. al. \(2009\)](#) показывают, что в странах, богатых нефтью, СМИ менее свободны. [Andersen and Aslaksen \(2011\)](#) обнаружили, что природные богатства влияют на срок нахождения правителей у власти только при недемократических режимах. Более того, в этих странах «трудно-присваиваемые ресурсы» продлевают пребывание правителей у власти (согласно приведенным выше аргументам о стимулах), а «легче присваиваемые ресурсы» (такие, как алмазы) затрудняют политическое выживание (возможно, из-за роста конкуренции за власть). В ряде работ показано, что в слабой институциональной среде природные ресурсы увеличивают коррупцию (например, [Bhattacharyya and Hodler \(2010\)](#) и [Vincente \(2010\)](#)) и уменьшают прозрачность корпораций ([Durnev and Guriev \(2011\)](#)).

Политические последствия

В целом, литература по данной теме указывает на потенциальные экономические и политические проблемы, связанные с природными ресурсами. Даже если какие-то вопросы остаются спорными, становится очевидным, что при принятии надлежащих политических мер многие экономические проблемы разрешимы, а в правильной институциональной среде природные ресурсы, в общем, могут положительно влиять на развитие экономики. Однако в равной степени ясно, что природные богатства, особенно в изначально слабой институциональной среде, обычно служат тормозом для проведения реформ и

диверсификации экономики, а также увеличивают тягу к дележу ресурсной ренты. При авторитарных режимах доходы от природных ресурсов могут также использоваться элитами для укрепления власти.

Примеры успешного распоряжения природными богатствами (создание суверенных фондов, которые уменьшают волатильность, обеспечивают прозрачность и сглаживают неравномерность использования ресурсных доходов в долгосрочной перспективе) не всегда бывают оптимальными и легко применимыми на практике. Вложение денег в крупные инвестиционные проекты может быть абсолютно законным, а потребление смещается в сторону удовлетворения сиюминутных нужд в условиях развивающихся стран испытывающих дефицит капитальных средств (как показали [van der Ploeg and Venables, 2011](#)). Какой бы ни представлялась нам оптимальная политика, её еще необходимо реализовать, и если институциональная среда слаба, то проблемы вполне реальны. И не только из-за потенциально коррумпированных властей, но и потому, что даже добросовестным политикам трудно брать на себя твердые обязательства (см., например, [Desai, Olofgård and Yousef, 2009](#)).

Многие политические лидеры в богатых ресурсами странах указывали на безнадежность своего положения и заявляли, что рады были бы обойтись без природных богатств. Подобные выводы излишне пессимистичны. Даже если верно, что приведенные в литературе политические выводы в целом сводятся к парадоксальному сочетанию: 1) «Природные ресурсы плохи (только) при плохих институтах, поэтому, если у Вас есть эти ресурсы, создайте хорошие институты» и 2) «Природные ресурсы препятствуют хорошему институциональному развитию», возможности для маневра есть. Некоторые страны сумели использовать природные богатства, чтобы развивать и, может быть, даже укрепить свои институты. Хотя часто отмечается, что Ботсвана имела относительно хорошие институты уже ко времени независимости, она оставалась бедной страной без опыта демократии, когда столкнулась с проблемой построения государства практически с нуля. В период обретения независимости в стране были найдены алмазы и начата их добыча, которая с тех пор стала важным источником государственных доходов и экономического роста. Это развитие произошло в значительной мере благодаря правильной, разумной политике.

Неблагоприятное воздействие природных ресурсов не является неизбежным, но развивающиеся страны, богатые ресурсами, должны решать проблемы, возникающие в связи с этими богатствами, и использовать последние с умом. Первым шагом властей должно стать, конечно же, понимание возможных проблем и занятие ясной позиции по вопросу о том, как власти намерены их решать.

Литература

1. Andersen, J. J. and Aslaksen, S., 2008. "Constitutions and the resource curse," *Journal of Development Economics*, Volume 87, Issue 2.
2. Andersen, J. J. and Aslaksen, S., 2011. "Oil and political survival," mimeo.
3. Andersen, J. J. and Ross, M., 2011, "[Making the Resource Curse Disappear: A re-examination of Haber and Menaldo's: "Do Natural Resources Fuel Authoritarianism?"](#)," mimeo.
4. Aslaksen, S., 2010. "Oil and Democracy – More than a Cross-Country Correlation?," *Journal of Peace Research*, vol. 47(4).
5. Beck, T., and Laeven, L., 2006. "InstitutionBuildingand Growth in Transition Economies," CEPR Discussion Paper 5718, Centre for Economic Policy Research:London.
6. Bhattacharyya, S., and Hodler, R., 2010. "Natural resources, democracy and corruption," *European Economic Review*, Elsevier, vol. 54(4).
7. Boschini, A.D., Pettersson, J. and Roine, J., 2007. "Resource curse or not: a question of appropriability," *Scandinavian Journal of Economics*, 109.
8. Boschini, A.D., Pettersson, J. and Roine, J., 2011. "Unbundling the resource curse," mimeo.
9. David, P. A., and Wright, G.. 1997. "The Genesis of American Resource Abundance," *Industrial and Corporate Change* 6.
10. Desai, R. M., Olofgård, A. and Yousef, T., 2009. "The Logic of Authoritarian Bargains," *Economics & Politics*, Vol. 21, Issue 1.
11. Durnev, A. and Guriev, S. M., 2011. "Expropriation Risk and Firm Growth: A Corporate Transparency Channel", mimeo
12. Egorov, G., Guriev, S. M. and Sonin, K., 2009. "Why Resource-Poor Dictators Allow Freer Media: A Theory and Evidence from Panel Data," *American Political Science Review*, Vol. 103, No. 4.
13. Gylfason, T., 2001. "Nature, Power, and Growth," *Scottish Journal of Political Economy*, *Scottish Economic Society*, vol. 48(5).
14. Gylfason, T., Herbertsson, T. T., and Zoega, G., 1999. "A mixed blessing," *Macroeconomic Dynamics*, 3.
15. Findlay, R. and Lundahl M., 1999. "Resource-Led Growth: A Long-Term Perspective",Helsinki: World Institute for Development Economics Research.
16. Frankel, J. A., 2010 "The Natural Resource Curse: A Survey," HKS Working Paper No. RWP10-005.
17. Haber, S. H. and Menaldo, V. A., 2011. "Do Natural Resources Fuel Authoritarianism? A Reappraisal of the Resource Curse," *American Political Science Review*, Vol. 105, No. 1.

18. Harding, T. and Venables, A.J., 2011. "Exports, imports and foreign exchange windfalls," mimeo.
19. Hausmann R., Hwang J. and Rodrik, D., 2007. "What you export matters," Journal of Economic Growth, Springer, vol. 12(1).
20. Leite, C. A. and Weidmann, J., 1999. "Does Mother Nature Corrupt? Natural Resources, Corruption, and Economic Growth," IMF Working Paper No. 99/85.
21. Mehlum, H., Moene, K. and Torvik, R., 2006. "Institutions and the resource curse," Economic Journal, 116.
22. Montague, D., 2002. "Stolen Goods: Coltan and Conflict in the Democratic Republic of Congo," SAIS Review – Volume 22, Number 1, Winter-Spring, pp. 103-118
23. van der Ploeg, F., 2011. "Natural Resources: Curse or Blessing?," Journal of Economic Literature, American Economic Association, vol. 49(2).
24. van der Ploeg, F. and Venables, A. J., 2011. "Harnessing Windfall Revenues: Optimal Policies for Resource Rich Developing Economies," Economic Journal, Royal Economic Society, vol. 121(551).
25. Ross, M.L., 2001. "Does Oil Hinder Democracy?" World Politics, 53(3).
26. Sachs, J. D. and Warner, A. M., 1995. "Natural Resource Abundance and Economic Growth," NBER Working Papers 5398, National Bureau of Economic Research, Inc.
27. Sala-i-Martin, X., Doppelhofer, G. and Miller, R. I., 2004. "Determinants of Long-Term Growth: A Bayesian Averaging of Classical Estimates (BACE) Approach," American Economic Review, American Economic Association, vol. 94(4).
28. Sala-i-Martin, X., and Subramanian, A., 2003. Addressing the Natural Resource Curse: An Illustration from Nigeria. NBER Working Paper 9804.
29. Stijns, J.-P., 2006. "Natural resource abundance and human capital accumulation," World Development, Elsevier, vol. 34(6).
30. Suslova, E. and Volchkova, N., 2007. "Human Capital, Industrial Growth and Resource Curse," Working Papers WP13_2007_11, Laboratory for Macroeconomic Analysis, HSE.
31. Torvik, R., 2009. "Why do some resource-abundant countries succeed while others do not?," Oxford Review of Economic Policy, vol. 25(2).
32. Tsui, K. K., 2011. "More Oil, Less Democracy: Evidence from Worldwide Crude Oil Discoveries," The Economic Journal, 121.
33. Vincente, P., 2010. "[Does Oil Corrupt? Evidence from a Natural Experiment in West Africa](#)," Journal of Development Economics, 92(1).
34. Wright, G., 1990. "The Origins of American Industrial Success, 1879-1940," American Economic Review 80.

Примечания

[1] На основе базы данных «World Development Indicators» (Всемирный банк).

[2] Зависимость была подтверждена, например, в работах [Gylfason, Herbertsson and Zoega \(1999\)](#), [Leite and Weidmann \(1999\)](#), [Sachs and Warner \(2001\)](#) и [Sala-i-Martin and Subramanian \(2003\)](#). В то же время [Doppelhofer, Miller and Sala-i-Martin \(2004\)](#) нашли, что отрицательная зависимость между долей сырьевого экспорта в общем объеме экспорта и ростом экономики является одной из 11 переменных и сохраняется, когда оценки строятся как средневзвешенные значения практически любых возможных сочетаний всех включенных переменных.

[3] Заинтересованный читатель может обратиться к более обширным обзорам, таким как [Torvik \(2009\)](#), [Frankel \(2010\)](#) или [van der Ploeg \(2011\)](#).

[4] Предположение подвергли критике [Wright \(1990\)](#), [David and Wright \(1997\)](#), [Findlay and Lundahl \(1999\)](#), которые все указывают на исторические примеры, когда добыча ресурсов была движущей силой для развития новых технологий. Другие исследователи, [Hausmann, Hwang and Rodrik \(2007\)](#), доказывают, что усложнение экспортной продукции предшествует увеличению темпов роста.

[5] Вопрос, что важнее – институциональные *результаты* или институциональные *нормы* – стал предметом многочисленных дискуссий в литературе о важности институтов вообще. Например, даже диктатор может *предпочесть* обеспечение надежной защиты прав собственности, несмотря на то, что обычно эта норма ассоциируется с демократией.

[6] Пытаясь объяснить возможные проблемы эндогенности, [Boschini, Pettersson and Roine \(2007\)](#) и (2011) тоже используют в исследованиях инструментальные переменные. Полученные результаты соответствуют результатам МНК, но в этой ситуации инструменты слабы.